

Ю. Ю. Мариничева

К ВОПРОСУ ОБ ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ В РУССКОЙ СКАЗОЧНОЙ РЕЧИ*

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена анализу коммуникативных ситуаций употребления имени собственного в русской сказочной речи. Имя собственное в сказке выполняет ту же коммуникативную функцию, что и медиальная формула: она заключается в том, что сказочник может сам становиться героем своей сказки или же может наделить слушателя правом быть героем рассказываемой сказки. Библиогр. 12 назв.

Ключевые слова: фольклор, сказки, коммуникативный акт, имена собственные, прагматика.

ON PROPER NAMES IN RUSSIAN FAIRY TALES

Ju. Ju. Marinicheva

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article analyses how proper names are used in communicative situations in Russian fairy tales. A proper name in the tale serves the same communicative function as a medial formula: a means by which the storyteller can become a character in his/her own tale or may allow the listener to become a fairy tale character in the tale which is being related. Refs 12.

Keywords: folklore, fairy tales, communicative act, proper names, pragmatics.

Н. М. Герасимова говорила о народной сказке как о специфической речевой деятельности, которая направлена на создание особой действительности [Герасимова, с. 25–43, 55–70, 91–109]. Важную роль при этом играет сказочник. «Сказочник — обладатель тройного статуса — героя сказки, носителя его законов и реального рассказчика» [Герасимова, с. 56]. С помощью специальных формул сказочник оформляет границы сказочного речевого действия и сказочного мира. Именно таким образом сказочник оказывается в особых отношениях с аудиторией. С одной стороны, только он способен впустить слушателей в сказочную действительность и выпустить из нее. С другой стороны, только сказочник-медиатор обладает особым правом сделать кого-либо из слушающих (или всех слушающих сразу) участником своего действия. Это напоминает ситуацию, когда по ходу действия пьесы актеры вдруг вовлекают кого-нибудь из зрителей в сценическое действие. Зритель ненадолго оказывается участником спектакля, а остальные сидящие в зале наблюдают его на сцене, то громко смеясь, то, может быть, даже завидуя. В настоящей статье анализируется ситуация, когда сказочник включает слушателя / слушателей в создаваемый им сказочный мир.

Исследование сказок о животных показало, что в качестве способов именования персонажей в них встретились: имена нарицательные (*лиса, волк* и т. д.) и производные от них уменьшительно-ласкательные формы (*лисичка, петушок* и т. д.),

* Статья подготовлена в рамках проекта «Коммуникативные параметры жанров русского фольклора: номинации и обращения» (Шифр ИАС УНИ 31.38.309.2014). Впервые тема была апробирована в виде доклада на ежегодных Декабрьских чтениях памяти Натальи Михайловны Герасимовой 06.12.2014 г.

термины родства и свойства (*кума, брат* и т. д.), нарицательные имена с постоянными эпитетами (*серый волк* и т. д.) и имена собственные (в том числе отчества или фамилии). К последним могут быть отнесены собственно сказочные (*Лиса Патрикеевна, Петя-петух* и др.) и условные, не свойственные для сказочных персонажей (например, лисята *Машенька, Аннушка*). Под *собственно сказочными именами* я понимаю устойчивые антропонимы персонажей, которые, по сути, сближаются с именами нарицательными. Как ни странно, ни в работах по фольклористике, ни в работах по ономастике и антропонимике я не смогла найти цельного исследования сказочных имен собственных. Хотя, казалось бы, имена *иванов-царевичей, сученко, финистов, марий и василис* — это неотъемлемая часть нормативной сказочной поэтики. Однако в одной диссертации, посвященной проблеме перевода имен собственных в русском фольклоре на английский язык, я встретила замечание о том, что «в арсенале лексических средств жанра фольклорной сказки, используемых для индивидуальной номинации, существует специфическая категория номинативных единиц <...>, занимающая промежуточное положение между нарицательными и собственными именами» [Пенская]. Это как раз и есть такие имена, как *Иван Царевич* или *Василиса Прекрасная*.

В русских сказках о животных особенно редкими оказываются какие-либо иные способы именования человеческих персонажей, кроме нейтральных типа *дед да баба, мужик да баба* и т. д. А. И. Никифоров, сравнивая «социально-экономические» признаки в северорусских сказках о животных и в сказках о змеборчестве (тип АА-Th 300 «Борьба со змеем»), отмечал факт практически полного отсутствия «антропологического материала» в обоих видах сказки [Никифоров, с. 227]. Под «антропологическим материалом» А. И. Никифоров подразумевал наличие человеческих персонажей с их антропологическими признаками, в которые включал имена собственные, которые как раз не свойственны поэтике жанра сказок о животных: «сказки о животных дают понятия только схематические и общие: мужик, мужик да жонка, старик, старик и старуха» [Никифоров, с. 227]. Это, безусловно, можно объяснить тем, что человеческие персонажи в сказках о животных являются второстепенными, хотя и могут выполнять функцию трикстера в отдельных сюжетах. Однако мне встретились сказки одного сказочника, в которых названные правила именования персонажей систематически нарушались. Сказочник предпочитал называть человеческих персонажей именами собственными. Речь идет о нескольких сказках знаменитого Федора Абрамовича Балагурова. В сборнике «Русские сказки Забайкалья» есть семь сказок о животных, в которых он называет человеческих персонажей именами собственными, причем не характерными для сказочного канона. Например, *жили-были дед и баба, была у них дочка. Ну, примерно, назовем Надя*. Или в сказке «Непослушный петушок» (СУС 61 В *Кот, петух и лиса*) мужик, который спасает петуха, получает имя **Костя** [Русские сказки Забайкалья]. Разумеется, трудно сказать, почему Федор Абрамович предпочел назвать своих персонажей по именам и откуда он эти имена взял, так как все, что мы знаем об этом сказочнике от составителей сборника, — это то, что он из поселка Шелопугино (Шелопугинский р-н Забайкальского края), в войну был председателем колхоза, после работал в райкоме партии, был хорошим рассказчиком, общительным и добрым человеком. Но в отношении опубликованных сказок Балагурова можно констатировать следующее. Используя имена собственные для именования персо-

нажей, задействованных в сказках, Федор Абрамович тем самым выходит за рамки сюжетного мира сказки. Он делает сказку о животных для аудитории историей, в которой любой (в том числе и слушатель) может оказаться. И если с лисой или волком отождествится не всегда возможно, то стать спасителем петухов *Костей* или дочкой *Надей* гораздо проще.

Другой известный сказочник, Матвей Михайлович Коргуев, также любил присваивать своим персонажам имена собственные, не свойственные сказочному канону. В предисловии к «Беломорским сказками» Александр Николаевич Нечаев, который работал со сказочником, отмечал, что «для сказок Коргуева очень характерны реалистические зарисовки бытовых подробностей, окрашенных в интимные лирические тона. Герои и героини часто называются *Танечкой, Леночкой, Елечкой, Санечкой, Андрюшкой*» [Беломорские сказки, с. 9].

Еще один пример — сказка «Исчезнувшая царевна» (СУС 301D* = АА 301*С *Солдат находит исчезнувшую невесту*), записанная А. И. Никифоровым от 28-летнего сказочника Евгения Малафеевича Поташева в селе Вожгора Архангельской области. В процессе рассказывания сказочник комментирует некоторые события, описываемые им в сказке. Так, в тот момент, когда сказочный герой открывает ключами сначала погреб с человеческими черепами, потом подвал с золотом, серебром, медью и вином и, наконец, третью комнату, в которой сидит царская дочь, он произносит: *Ну, потом открыл дверь: сидит эта царская дочь в комнате, как Евдокия Васильевна, такая же красивая, молодая* [Неизданные материалы, № 42.]. А. И. Никифоров дает следующий комментарий: *Евдокия Васильевна — ветеринарная фельдшерница Вожгорского района, присутствовавшая при рассказе* [Неизданные материалы, с. 215]. Мы не знаем, какова была реакция фельдшера на сказанное, но я полагаю, что в момент сравнения она стала той самой красивой и молодой царской дочерью. И хотя больше Евгений Малафеевич не использует это имя собственное, его разового употребления оказывается достаточно для того, чтобы раздвинуть границу сказочного мира и впустить в него одного из слушателей. Возможно, что Евгений Малафеевич решал еще какие-то свои жизненные задачи, кроме помощи уважаемому собирателю.

К. В. Чистов отмечал, что фольклорная коммуникация — устная и прямая, то есть происходит от человека к человеку. Певец или сказочник всегда ориентируется на слушателя и использует специальный код, которым владеет слушатель. Суть этого кода — в естественности языка [Чистов, с. 134]. Имя собственное сказочных персонажей оказывается тем самым кодом, который связывает сказочника и слушателя, а использование этого кода — специальным действием сказочника, чтобы, с одной стороны, установить коммуникацию со слушателем, а с другой — включить его в эту коммуникацию. Если мы обратимся к концепции речевого акта, то одним из ключевых в ней будет понятие иллокутивного акта, который есть акт, осуществляемый индивидом при произнесении чего-либо: «Это то, что мы делаем при произнесении того, что мы произносим» [Строссон с. 37]. Мне представляется, что употребление имени собственного сказочником в ситуациях, когда сказочный канон этого не требует, является иллокутивным актом. Суть данного действия — в расширении сказочных повествовательных границ и включении аудитории в сказочное действие. В ситуациях, когда сказочник нарочно употребляет имя собственное кого-либо из слушающих, он тем самым еще и устанавливает определенные

отношения с ним. По сути, он вызывает слушающего и ставит наравне с остальными персонажами, ввязывает в сказочный конфликт, который может разрешить только он сам. В свою очередь, слушатель трансформируется из просто *фельдшера Евдокии Васильевны*, например, в красивую и молодую царскую дочь, ради которой главный герой совершает героические действия.

В связи с этим особенно интересными кажутся случаи употребления рассказчиком своего собственного имени в фольклорных текстах вообще и в сказках в частности. В 2009 г. вместе с другими участниками фольклорно-антропологической экспедиции СПбГУ я работала в деревне Селище Лешуконского района Архангельской области, где мне посчастливилось познакомиться с Мавреей Павловной Дорожкиной (1918 г.р.). Пожилая женщина поделилась со мной своим опытом борьбы с бессонницей. Маврея Павловна сама себе поет колыбельные песни:

*А че я-то? Себя?
Бай-бай-бай-бай,
Ты, Маврея, засыпай,
Свои глазки закрывай.
Бай-бай-байки-побайки,
С полей бежали байки.
Люльки по люльки,
С полей летели гульки.
Стали гули гулевать,
Да стала **Мавра** засыпать,
Свои глазки закрывать¹.*

Маврея Павловна не просто поет про себя песню: с помощью употребления своего имени она делает себя персонажем мира своей же колыбельной песни. Подобные случаи автономии встречаются и в сказочных жанрах. Мне встретились несколько сказок, записанных от детей, в которых в качестве имени какого-либо персонажа дети использовали, очевидно, свои собственные имена. Приведу несколько примеров.

Сказка «Про покойного Ваню» (АА 365 «Жених-мертвец»), записанная И. М. Левиной и И. В. Карнауховой в 1926 г. в селе Космозере (Петрозаводский уезд Олонецкой губернии) от **Екатерины** Касьяновой 12 лет [Неизданные материалы, № 17]

Жили-были мужик и баба, у них была дочь, и звали ее Катя. И вот играла она с игроком Ваней <...> [Неизданные материалы, с. 296].

Как мне представляется, если имя Ваня (Иван) является собственно сказочным (хотя отчество сказочницы — Ивановна, а ее отец Иван Иванович был довольно известным сказочником), то имя Катя необычно для сказочного канона. Конечно, я не могу быть полностью уверена, но предполагаю, что юная сказочница рассказала сказку не про какую-то девушку, а именно про себя. На протяжении всей сказки, сюжет которой заключается в том, что Ваня оказывается вурдалаком, желающим погубить свою возлюбленную, сказочница употребляет свое имя: *Катенька моя, боишься ли ты меня?* В 2003 г. в дер. Трошино (Вологодская обл., Вашкинский р-н,

¹ ФА СПбГУ DTxt09-056_Arch-Lesh_09-07-11_DorozhkinaMP_1.

Островский с/с) мы записали сказку «Месяц светит, мертвец едет» на этот же сюжет от взрослой сказочницы Беловой Виктории Александровны (1956 г.р.), в которой женщина не употребляет никаких имен собственных. Действующие лица ее сказки: отец и мать, дочь-красавица и жених. Вариант этой сказки в сборнике Н. Е. Ончукова, например, также не содержит никаких имен собственных [Северные сказки, № 39]. А в сборнике А. И. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» от знаменитой сказочницы Пелагеи Никифоровны Коренной (64 года) была записана сказка на этот же сюжет, и называется она «Про Катю» [Сказки и предания Северного края, № 29]. Сказочница также называет главную героиню Катя. Но, что интересно, Пелагея Никифоровна жила в том же селе, что и юная сказочница Катя Касьянова, которая, по воспоминаниям самой Карнауховой, очень любила нянчить местных детей, рассказывая им сказки.

Еще один пример названия сказочного героя собственным именем сказочника — сказка «Бедная королева», записанная И. М. Левиной и И. В. Карнауховой в 1926 г. в селе Космозере (Петрозаводский уезд Олонецкой губернии) от Марии Якушевой 12 лет [Неизданные материалы, № 20]:

Жил-был злой король. А Мария королева у него была, красивая и добрая <...>
[Неизданные материалы, с. 299].

Сюжет этой сказки не представлен в международном указателе сюжетов, поэтому приведу его пересказ: злой король дарит доброй королеве жемчужное ожерелье. Но в королевстве случается страшный голод, во время которого король никак не помогает своим подданным. Добрая королева раздает каждому нуждающемуся по жемчужине. За это король сажает ее в тюрьму и требует найти ожерелье, грозясь в противном случае отрубить ей голову. Добрая королева плачет от безысходности в тюрьме, и в это время в окно темницы прилетают птички, которые поочередно в клюве приносят ей жемчужины. Злой король видит ожерелье и лопается от злости.

Конечно, имя Мария встречается в сказках, хотя скорее мы знаем Машеньку из сказки «Маша и медведь», но мне представляется, что, назвав добрую королеву своим именем, девочка тем самым стала доброй и красивой королевой.

Таким образом, имя собственное в сказке выполняет ту же коммуникативную функцию, что и медиальная формула: она заключается в том, что сказочник может сам становиться героем своей сказки или же может наделить слушателя правом быть героем рассказываемой сказки. Так дети, рассказывая сказку, идентифицируются при помощи употребления своего имени с героем или героиней, так нянька или дедушка могут дать понять юному слушателю, что сказочный мир не за горами, и вовлечь в него. Тем самым сказочное действие помещает всех присутствующих в две реальности — сказочную реальность (сюжетно-нарративную) и актуальную реальность *здесь и сейчас* (коммуникативную). Сказочник пользуется этим приемом еще и для того, чтобы построить отношения с аудиторией. Могут ли эти отношения быть конфликтными, мы не знаем. Если 28-летний сказочник сравнивает присутствующую при рассказывании фельдшерицу с красивой молодой царской дочерью, то во имя ее и будут совершены сказочные подвиги, а помимо собственно сказочных отношений (герой — царевна — антагонист), создаются еще и внесказочные отношения, свидетелем которых сказочник делает свою аудиторию (например, молодой сказочник — фельдшерица).

Литература

- Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым / под ред. А. Н. Нечаева. Л.: Сов. писатель, 1938. 255 с.
- Герасимова Н. М. Сказка как речевая деятельность // Прагматика текста: фольклор, литература, культура: сб. ст. СПб.: РИИИ; СПбГУ, 2012. С. 91–108.
- Герасимова Н. М. Фигура медиации в русской волшебной сказке // Прагматика текста: фольклор, литература, культура: сб. ст. СПб.: РИИИ; СПбГУ, 2012. С. 55–69.
- Герасимова Н. М. Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) // Прагматика текста: фольклор, литература, культура: сб. ст. СПб.: РИИИ; СПбГУ, 2012. С. 25–42.
- Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власова. СПб.: ИРЛИ РАН, 2001. 680 с.
- Никифоров А. И. Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926–1928 гг. // Сказка и сказочник / сост. Е. А. Костюхин. М.: ОГИ, 2008. 376 с.
- Пенская И. Е. Имена собственные в русских народных сказках и способы их передачи на английский язык: дис. ... канд. филол. наук. М.: Москов. гос. лингв. ун-т, 2008. 187 с.
- Русские сказки Забайкалья / сост., подгот. текста, предисл., примеч. В. П. Зиновьева; вступ. ст. В. Г. Распутина. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1983. 352 с.
- Северные сказки: сб. Н. Е. Ончукова: в 2 кн. / сост. Н. Е. Ончуков. Кн. 1. СПб.: Тропа Троянова, 2006. 476 с.
- Сказки и предания Северного края / в записях И. В. Карнаухова; вступ. ст. Т. Г. Ивановой. М.: ОГИ, 2009. 544 с.
- Строссон П. Ф. Намеренье и конвенция в речевых актах // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серль; отв. ред. рус. пер. В. Д. Мазо. М.: Едиториал УРСС, 2004. 208 с.
- Чистов К. В. Исполнитель фольклора и его текст // Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. / подгот. текста А. С. Архиповой. М.: ОГИ, 2005. 272 с.

Для цитирования: Мариничева Ю. Ю. К вопросу об именах собственных в русской сказочной речи // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 34–40. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.304.

References

- Belomorskije skazki, rasskazannye M. M. Korguevym* [Belomorsk Fairy Tales Narrated by M. M. Korguev]. Ed. by A. N. Nechaev. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1938. 255 p. (In Russian)
- Chistov K. V. Ispolnitel' fol'klora i ego tekst [Folklore Performer and the Text]. Chistov K. V. *Fol'klor. Tekst. Traditsiia* [Folklore. Text. Tradition]. Moscow, United Humanitarian Publ., 2005. 272 p. (In Russian)
- Gerasimova N. M. Figura mediatsii v russkoi volshebnoi skazke [Mediation Figure in the Russian Magic Fairy Tale]. Gerasimova N. M. *Pragmatika teksta: fol'klor, literatura, kul'tura* [Text Pragmatics: Folklore, Literature, Culture: Proceedings]. St. Petersburg, Russian Institute of Art History Press; St. Petersburg Univ. Press, 2012, pp. 55–69. (In Russian)
- Gerasimova N. M. Formuly russkoi volshebnoi skazki (K probleme stereotipnosti i variativnosti traditsionnoi kul'tury) [Formula of the Russian Magic Fairy Tales (Towards Stereotypeness and Variability in Traditional Culture)]. Gerasimova N. M. *Pragmatika teksta: fol'klor, literatura, kul'tura* [Text Pragmatics: Folklore, Literature, Culture: Proceedings]. St. Petersburg, Russian Institute of Art History Press; St. Petersburg Univ. Press, 2012, pp. 25–42. (In Russian)
- Gerasimova N. M. Skazka kak rechevaia deiatel'nost' [Fairy Tale as a Speech Production]. Gerasimova N. M. *Pragmatika teksta: fol'klor, literatura, kul'tura* [Text Pragmatics: Folklore, Literature, Culture: Proceedings]. St. Petersburg, Russian Institute of Art History Press; St. Petersburg Univ. Press, 2012, pp. 91–108. (In Russian)
- Neizdannye materialy ekspeditsii na Russkii Sever 1926–1928 gg.: Skazki. Legendy. Bylichki. Detskii fol'klor* [Unpublished Materials of the Expedition to the Russian North 1926–1928: Fairy Tales. Legends. Folk Stories. Children Folklore]. Ed. by M. N. Vlasova. St. Petersburg, Institute of Russian Literature (Russian Academy of Sciences) Publ., 2001. 680 p. (In Russian)

- Nikiforov A. I. Sotsial'no-ekonomicheskii oblik severnorusskoi skazki 1926–1928 gg. [Social and Economic Image of the North Russian Fairy Tale 1926–1928]. Ed. by E. A. Kostiukhin. Nikiforov A. I. *Skazka i skazochnik* [Fairy Tale and Storyteller]. Moscow, United Humanitarian Publ., 2008. 376 p. (In Russian)
- Penskaia I. E. *Imena sobstvennye v russkikh narodnykh skazkakh i sposoby ikh peredachi na angliiskii iazyk* [Proper Names in the Russian Folk Tales and Means of their Rendering into English]. PhD diss. (Philology). Moscow, Moscow State Linguistic University, 2008. 187 p. (In Russian)
- Russkie skazki Zabaikal'ia* [Russian Fairy Tales in Trans-Baikal]. Ed. by V. P. Zinov'ev. Irkutsk, East Siberian Publ., 1983. 352 p. (In Russian)
- Severnye skazki: Sbornik N. E. Onchukova: v 2 kn.* [North Fairy Tales: Collection of N. E. Onuchkov: In 2 books]. Book 1. St. Petersburg, Tropa Troianova Publ., 2006. 476 p. (In Russian)
- Skazki i predaniia Severnogo kraia* [Fairy Tales and Legends of the North Region]. Ed. by V. Karnaukhov. Moscow, United Humanitarian Publ., 2009. 544 p. (in Russian)
- Strosson P. F. Nameren'e i konventsiia v rechevykh aktakh [Intention and Convention in Speech Acts]. Ed. by J. Searle. *Filosofia iazyka* [Philosophy of Language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 208 p. (In Russian)

For citation: Marinicheva Ju. Ju. On Proper Names in Russian Fairy Tales. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 34–40. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.304.

Статья поступила в редакцию 23 октября 2015 г.

Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Мариничева Юлия Юрьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель;
Kot84@mail.ru

Marinicheva Julia Ju. — PhD, Senior Lecturer; Kot84@mail.ru